

Вадим АДАДУРОВ

Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, Professeur à Strasbourg: Suivie de la Constitution de l'empire de Russie, Éd. présentée et commentée par Rodolphe Baudin, Wladimir Berelowitch (Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2018). 326 pp., ill. Bibliographie. ISBN: 978-2-86820-539-1.

Россия занимала важное место в интеллектуальной культуре Просвещения в связи с рассуждениями о сущности и соотношении таких фундаментальных категорий, как “цивилизация” и “варварство”, “прогресс” и “коррупция”, “свобода” и “деспотизм”. Многие западные мыслители противопоставляли Россию Персии, Турции и Египту как красноречивую иллюстрацию преимущества европейской “цивилизованности” над азиатской “отсталостью”, обнаруживая в ней протекающий с разной степенью интенсивности и

последовательности процесс вытеснения архаичных социокультурных смыслов современными.¹ “В порыве своих юности и роста, Россия прогрессирует к цивилизации” и относится к числу “преобладающих стран Европы”, – отмечал один из представителей немецкой школы статистической географии Г. Гассель.² “Кажется, что взгляды всей Европы прикованы сегодня к России; и чем больше преувеличивалось варварство последней, тем большее удивление вызывает ее прогресс”, – подчеркивал французский историк Пьер-Шарль Левек.³ Иронизируя по поводу восторженных оценок подобного рода, директор архива министерства внешних сношений Франции Александр-Морис д’Отрив, в составленной в 1812 г. для своего патрона записке, тем не менее, отмечал, что “вот уже как пятьдесят лет писатели континента и, особенно, французские писатели приучили Европу к благоприятному мнению о России”.⁴

¹ Ezequiel Adamovsky. *Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France (c. 1740–1880)*. Bern, 2006; V. Adadurov. *Der orientalistische Diskurs in der europäischen Literatur des 18. Jahrhunderts: die Ägyptenreisen von Constantin-François Volney (1787) und Jan Potocki (1788)* // L. Seauve, K. Weber, E. Martin (Hsg.). *Jan Potocki (1761–1815). Grenzgänger zwischen Disziplinen und Kulturen*. Berlin, 2019. S. 157–168.

² M. Hassel. “Politique de l’Empire de Russie”, suite de “la Statistique” // *Service historique de la Défense. Département de l’armée de la terre. Série “Mémoires et reconnaissances”. Sous-série “M1”*. Carton 1487; В. Ададунов. *Война цивилизаций: Социокультурная история русского похода Наполеона*. Т. 1: Религия – язык. Киев, 2017. С. 14.

³ P. Ch. Lévesque. *Histoire de Russie*. Т. 1. Paris, 1782. P. xxxiii.

⁴ Note relative à la publication du voyage de Clarke en Russie, d’Hauterive à Maret, janvier 1812 // *Archives diplomatiques. Correspondance politique. Russie supplément*. Vol. 17. F. 338–339.

Прочитанная выше пяти-томная «История России» Левека сыграла важную роль в формировании систематического знания о России в Европе, однако этот процесс не сводился к публикации нескольких бестселлеров. Не менее важную роль в обобщении и распространении информации начиная с 1770-х гг. играла университетская среда, в первую очередь в Швеции (Або), Германии (Геттинген) и Франции (Страсбург). Университетские профессора – Генрик Габриэль Портхан в Або (Турку), Август Людвиг фон Шлёцер в Геттингене – передавали научное знание от учителя к ученику. Немаловажное место в этой информационной цепочке занимали выходцы из России, чье посредничество в передаче знания усложняло траекторию транскультурного обмена – осмысления европейскими учеными источников русского происхождения и усвоения россиянами видения своего отечества, сформированного западными интеллектуалами. Концентрируясь в форме кратких обзоров исторической эволюции и современного состояния России, такое знание порождало готовые стереотипы воображения (*prêt à penser*). Поэтому весьма ценной является каждая публикация, проливающая свет на механизм проникновения в определенную социальную среду западных мо-

делей осмысления России и их содержание.

В этой связи хотелось бы отметить важность научной публикации курса лекций о России профессора Страсбургского университета Кристофа Гийома Коха (1737–1813), которой посвящена данная рецензия. Наиболее полная рукописная версия сочинения Коха (по сравнению с двумя списками, хранящимися в Нанте и Париже) была обнаружена в библиотеке Страсбургского университета Владимиром Береловичем и исследована им совместно с Родольфом Бодэном. Подготовленное ими издание этого текста сопровождается обстоятельными комментариями, касающимися как личности Коха, так и контекста создания им курса. Фактически речь идет об открытии одного из забытых голосов в весьма внушительном хоре европейских русистов XVIII века.

Во введении, объясняющем, кем был К. Г. Кох и чем примечательна его деятельность для современного исследователя, Р. Бодэн отмечает, что конструирование западной текстуальной репрезентации России в XVIII веке происходило в двух основных плоскостях – философской и фактографической. Интерес к первой был особенно характерен для французских авторов, которые предпочитали видеть в европеизи-

рующей России пространство для экспериментальной реализации их модернизационных концепций. Последние десятилетия Старого режима были отмечены во Франции количественным и качественным ростом публикаций о России. Большинство авторов, стараясь охватить взором всю глубину известной им российской истории, основное внимание уделяли, тем не менее, современной им России XVIII столетия. Следуя историографическому канону того времени, представлявшему развитие общества как результат череды деяний просвещенных монархов, французские авторы сосредотачивались, в первую очередь, на фигурах двух великих европеизаторов – Петра I и Екатерины II.⁵ В этом жанре писали не только уже упомянутый Пьер-Шарль Левек или Луи-Николя Леклерк, но и Вольтер.

Интерес к другому – фактографическому – аспекту репрезентации России был более распространен в Германии. Сочинения этого рода отличались сухим стилем и отсутствием явных идеологических амбиций. Среди наиболее известных авторов в этом жанре были географы и статистики Антон Фридрих Бюшинг и Иоганн

Антон Гюдденштедт. Именно к этому направлению Р. Бодэн склонен отнести и «Историю России с ее политической частью» К. Г. Коха, написанную не ранее 1783 г. Это решение вызывает сомнения. Действительно, Кох относился скептически к сочинению Вольтера о России, как не выдерживающего сравнения с трудом Н.-Г. Леклерка. Однако между ним и Вольтером было больше общего. Вольтер уделял немалое внимание поиску источников и установлению фактов, хотя и считал главной целью любого исторического рассказа дидактическую.⁶ Подобно Вольтеру, Кох не бывал в России и не знал русского языка, был старательным компилятором. Как показывает сравнение трех разновременных списков его лекций о России (первый был составлен, по-видимому, в середине 1770-х годов), он постоянно и тщательно отслеживал новые публикации и тенденции в развивающемся европейском дискурсе об этой стране. В большей мере правовед, чем историк (хотя он и учился у историка Жана-Даниэля Шёпфлена), Кох являлся аскетом в личной жизни и придерживался умеренных политических взглядов (был конституционным монархистом и

⁵ См. подробнее: С. А. Мезин. Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд. Саратов, 2003.

⁶ См.: É. Schnackenberg. Le regard de Clío: l'Histoire de Charles XII de Voltaire dans une perspective historique // Dix-huitième siècle. 2008. Vol. 40. No. 1. Pp. 456, 459.

сторонником равновесия держав в Европе). Яркий представитель культуры Просвещения, Кох был верующим человеком и боролся за права лютеранского населения Страсбурга в эпоху Французской революции.

Трудно не согласиться с мнением Р. Бодэна, что ключом к пониманию личности Коха – страсбургского протестантского интеллектуала второй половины XVIII века – является его существование на перекрестке французской и немецкой культур. Страсбург занимал пограничное положение между французскими и немецкими землями и являлся крупным транспортным узлом на пересечении торговых путей с севера на юг и с востока на запад. В городе поддерживался баланс французского и немецкого языков и христианских конфессий (мультикультурализм), что привлекало студентов из Священной Римской империи, а позже из Швеции, Англии, а также немецкоязычных дворян из прибалтийских провинций Российской империи, по достоинству оценивших возможность изучать французский в родной лингвистической среде. Для русофонов была важной возможность параллельно изучать и совершенствоваться два языка.

Именно этим руководствовалась Академия Наук в Санкт-Петербурге при отправке на учебу в Страсбург Алексея Поленова (1762). Свою роль в привлечении российских студентов в Страсбург сыграли также личные связи между профессорами университета и членами Академии наук в Санкт-Петербурге (например, между уроженцами Эльзаса Шёпфлэном и Иоганном Даниэлем Шумахером). Действовавший в преимущественно протестантском городе, Страсбургский университет имел репутацию более строгого, чем парижский, где процветало свободомыслие (либертинизм). Страсбург выбирали не только протестанты из Прибалтики – в основном остзейские немцы (“ливонцы”), предпочитавшие факультет права, но и православные русские и украинцы, опасавшиеся католического прозелитизма. Всего, как указывает Р. Бодэн, ссылаясь на просопографическое исследование Юргена Фосса,⁷ на протяжении XVIII века (до 1790 г.) в Страсбургском университете проходили обучение 138 выходцев из Российской империи, “которые являлись русскими, украинцами или прибалтами”. Эта этнокультурная градация, неоднократно акцентируемая Р. Бо-

дэном (С. 20-21, 23), является, на наш взгляд, не только признанием многообразия Российской империи, но и отражением сложившегося в современной французской русистике понимания того факта, что европейское знание XVIII века о России не сводилось к этнокультурной русскости. Действительно, в сочинении Коха встречаются неоднократные указания на особую влиятельность в Российской империи “малороссов или украинцев” (С. 156) – например, Феофана Прокоповича (С. 179) и Кирилла Разумовского (С. 177). Киевская академия характеризуется как “знаменитейшая среди всех” (С. 178-179). В отдельном дополнении к курсу лекций (очерке устройства России) Кох объяснял этимологию и устройство провинции “Украина”. В этом контексте он упоминал гетманов Ивана Мазепу, Данила Апостола и Кирилла Разумовского (С. 264-265). К сожалению, Р. Бодэн не уточняет количество выходцев из разных земель Российской империи среди учащихся Страсбургского университета. Из малороссийских дворян он упоминает только юных князей Алексея и Андрея Разумовских.

Более последовательно Р. Бодэном прослеживается социальное разнообразие среди страсбургских студентов – выходцев из Российской империи. Кроме

стипендиатов российского правительства, в Страсбург приезжали студенты, получавшие вспомоществование от частных меценатов (например, князей Голицыных), главным образом, с целью обучения на медицинском факультете (С. 24). Среди представителей низших сословий наибольшую известность впоследствии приобрели сын простого солдата натуралист Иван Лепехин и сын сельского священника Николай Озерецковский, осуществивший русский перевод “Естественной истории” Жоржа-Луи Бюффона. Значительная часть студентов, принадлежавших к дворянскому сословию, не нуждалась в стипендиях, обучаясь в Страсбургском университете на собственные средства. Многие, как показывает исследование матрикулов (списков студентов), содержали прислугу.

Как подчеркивает В. Берелович, получение образования являлось важной частью дворянского “гран-тура” по Европе. Длительное путешествие не являлось лишь культурным и туристическим предприятием, многие из молодых людей попробовали себя в качестве студентов на протяжении одного учебного года или даже более продолжительного срока. Высокая стоимость заграничного путешествия объясняет преобладание знати среди страсбургских

⁷ J. Voss. Les étudiants de l'Empire Russe à l'université de Strasbourg au XVIIIe siècle // C. Grau, S. Karp, J. Voss (Hsg.). Deutsch-Russische Beziehungen im 18. Jahrhundert: Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Wiesbaden, 1997. S. 352-371.

студентов из России. Публикаторы лекций Коха упоминают о братьях Разумовских, Павле Скавронском, Дмитрие Гурьеве, Григории Чернышеве, Иване Гагарине. Аристократы не изучали медицину или точные науки, предпочитая курсы по философии, истории, дипломатии. Р. Бодэн отдельно оговаривает пример клана Голицыных, в особенности Дмитрия Владимировича и Бориса Владимировича, которые в 1782–1783 гг. учились у профессора Коха. Отдельно описывается частная жизнь Голицыных в Страсбурге, их бюджет и траты, социальные связи, в частности, вступление в местную масонскую ложу.

Интерес к российской тематике у Коха развился в рамках преподавания в основанной его учителем Шёпфлёном при Страсбургском университете т. н. “дипломатической школе” (*Institutum historico-politicum*). Вероятно, она была создана по модели Геттингенского университета, чтобы удовлетворить возросший интерес к тематике международных отношений, как со стороны абитуриентов, так и французской дипломатии, испытывавшей дефицит профессиональных кадров.⁸ С целью представить общую картину дипломатических отношений в

Европе, Кох разработал обширную линейку курсов по истории и устройству (в первую очередь, политически-правовому) таких стран, как Пруссия, Англия, Швеция, Речь Посполитая, Нидерланды и Швейцария. Цикл лекций о России являлся частью этой программы. Р. Бодэн характеризует подход Коха как “лучезарный, простой и приятный метод” (С. 67–68) – следствие его высоких личных интеллектуальных качеств.

В свою очередь, в своем послесловии к лекциям Коха В. Берелович предлагает осмысление их содержания в широком контексте европейского (главным образом, французского и немецкого) экспертного знания о России. Берелович разделяет представление о дуализме “философского” и “статистического” (т. е. фактологического) подходов к изучению России в Европе (условно – французского и немецкого), однако считает границу между ними пластичной и взаимопроницаемой. Обсуждая тексты, которые могли послужить источниками для курса Коха, В. Берелович выделяет издания Академии наук в Санкт-Петербурге, сочинения российских авторов – компиляторов летописей, Василия Татищева и Михаила Щербатова, хотя Кох и

не упоминает даже их немецкие переводы (С. 229), а также немецко- и франкоязычные переводы сочинений Герхарда Фридриха Миллера и Августа Людвиг Шлёцера, которые Кох использует для освещения раннего периода российской истории. Среди источников западного происхождения Берелович отмечает травелоги и мемуары, написанные со второй половины XVI до начала XVIII века. Кох также активно заимствует информацию из трудов современных ему немецких исследователей Кристофа Шмидта, Антона Фридриха Бюшинга, Иоганна Готлиба Георги (С. 225) и, по мнению В. Береловича, “кажется, отдает им предпочтение, цитируя их переводы на французском, поскольку его ученики, особенно Алексей Голицын, лучше знали французский, чем немецкий” (С. 230). Среди современных французских авторов Кох полагался на сочинение жившего в 1778–1780 гг. в России Левека, тезисы которого использует в страсбургской рукописи, правда, без прямой ссылки (С. 216) и медика Ле Клерка, данные которого о количестве монастырей он приводит наряду со статистическими выкладками Бюшинга (С. 175). Таким образом, вероятный круг чтения Коха, включающий как немецких, так и французских авторов, ставит под вопрос постулируемое публикато-

рами разделение европейской русистики XVIII века на “немецкую фактографию” и “французскую философию”.

Вызывает сомнения и категорическое утверждение Р. Бодэна об отсутствии всякого идеологического подтекста в сочинении Коха. Он готовил свои лекции для российских студентов с коммерческой целью, что вполне объясняет избирательно-комплементарный характер их содержания. Встречающиеся в сочинениях французских писателей неоднозначные отзывы о России проигнорированы Кохом. В частности, обойдены или максимально смягчены суждения о малограмотности православного духовенства, зависимости церкви от государства, деспотизме царской власти, крепостном рабстве. Демонстративную нейтральность суждений Коха нельзя объяснить “немецким” жанром беспристрастного статистически-фактологического обзора, потому что его лекции не очень вписываются в эти рамки. Как отмечает В. Берелович, для исторического нарратива Коха характерно обращение к типичным для французской просветительской парадигмы понятиям “революция”, “варварство”, “абсолютная монархия” и даже “деспотия”, существовавшая в России “до последних правлений” (правда, как отмечает Берелович, неизвестно,

⁸ E. Ederlein. La signification culturelle de Strasbourg pour les Russes au XVIIIe siècle // La Revue Russe. 2011. Pp. 19–30.

куда относил Кох царствование Петра I). Сторонник равновесия европейских держав, Кох осуждал первый раздел Польши (1772) и, сравнивая захваты Екатерины II с политикой Людовика XIV, по аналогии предрекал печальные последствия для самой царской империи.

Настроение лекций Коха отличается характерным для нарратива Просвещения сочетанием скепсиса и оптимизма. Так, с одной стороны, Кох проявляет оптимизм по поводу продвижения России к европейской “цивилизованности”. Но, с другой стороны, Кох с пессимизмом отмечал сохранение религиозной нетерпимости – в частности, по отношению к иудеям, как признак архаичности России. В этой связи, кстати, вызывает недоумение игнорирование В. Береловичем неоднократного использования Кохом понятия “прогресс” (знакового для просветительской схемы исторического развития) при описании изменений в сфере коммерции, образования, науки и т.д.⁹ Также публикаторы не обращают внимания на упоминания Кохом другого понятия, центрального для дискурса Просвещения, –

“свобода”. Кох с оптимизмом отмечает создание по инициативе Екатерины II Вольного экономического общества или свободное расселение колонистов (С. 179, 191), но параллельно сокрушается, что “имитация является отличительным гением русских” (С. 183). Кох намекает, что европеизация элит не изменила состояния низших слоев общества, осуждает несвободу крестьян, а также простирающую из этого отсталость сельского хозяйства (С. 191).

Таким образом, в нарративе Коха присутствуют ключевые тропы, характерные именно для французской версии Просвещения. Обращение Коха к античным топосам также отличает его текст от сухого “статистического” изложения фактов, отражая некую мировоззренческую позицию. Тем более что обращение Коха к античным параллелям, судя по всему, отражает влияние на него сочинений Левека и Ле Клерка. В одной из своих статей Р. Бодэн обращает внимание на появление в стразбургском списке упоминания о Ломоносове как русском Пиндаре и Горации, но не находит источника этого сравнения.¹⁰ Буквальные текстуальные совпадения

указывают на прямое заимствование из Левека, лексемы, образы и эпитеты которого были лишь слегка перекомпонованы Кохом.¹¹

Это обстоятельство лишней раз указывает на значение “Истории России с ее политической частью” К. Г. Коха как части мегатекста эпохи Просвещения (а не оригинального исследования). Подобного рода работы опирались на интертекстуальные связи, в хитросплетениях которых конкретный автор отбирал информацию по своему усмотрению, но характер ее подачи, основные посылы и смыслы являлись общими местами. По моему мнению, публикуемый Р. Бодэном и В. Береловичем третий, наиболее поздний вариант лекций Коха, демонстрирует по сравнению с первыми важную тенденцию “перетекания” жанра немецкого фактологического трактата в формат франкоязычного сочинения эпохи Просвещения, уделяющего

особое внимание философским и эстетическим аспектам.

Дабы это утверждение не показалось голословным, на одном конкретном примере попробую показать логику интертекстуального заимствования и адаптации в лекциях Коха. “Политическая часть” начинается с утверждения: “Россия бесспорно является самым обширным государством всей обитаемой земли” (С. 152). В другом месте текста он добавляет: “Россия имеет одно из наиболее благоприятных положений для торговли” (С. 194). В рукописном меморандуме некоего П. Вользага, поданного в марте 1801 г. на имя французского министра иностранных дел Шарля-Мориса Талейрана, буквально дословно воспроизводится этот двухчастный тезис: “Россия, самая обширная в мире Империя, бесспорно является, ввиду торговых преимуществ, одной из наиболее привлекательных держав.”¹² Эта же мысль

¹¹ У Коха: “Господин Ломоносов, представший как властитель (*prince*) российских поэтов, в искусстве сочинения русских од сделался соперником Пиндара и Горация” (С. 180). У Левека: “Ломоносов развил в России поэзию Пиндара и Горация. Он издавна сделался властителем (*prince*) российских поэтов” (P. Ch. Lévesque. Histoire de Russie. Т. 6. Yverdon, 1783. P. 176).

¹² “*La Russie, l'Empire le plus vaste du monde, est sans contredit un des états les plus favorisé en égard aux avantages commerciaux...*” (Aperçu géographique, politique et commercial de l'Empire de Russie, par P. Volsag (mars, 1801) // Archives diplomatiques. Mémoires et documents divers. Russie. Vol. 19. F. 212; В. Адауров. “Наполеоніда” на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. 2-е вид. Львів, 2018. С. 259). Курсивом выделены совпадения с текстом Коха: “*La Russie est sans contredit le plus vaste état de toute la terre habitée*” (С. 152) и “*La Russie a une situation des plus avantageuses pour le commerce*” (С. 194).

⁹ См., например, в тексте Коха: “Примеру этого великого человека [Петра I] следовали его наследники, в результате чего в России начала прогрессировать письменность” (С. 176).

¹⁰ Р. Бодэн. Русская литература в Курсе русской истории стразбургского профессора Кристофа Гийома Коха // XVIII век. Сб. 28. Москва; Санкт-Петербург, 2015. С. 72.

встречается и в более поздних текстах, в том числе опубликованных в России на французском языке.¹³ Ясно, что мы имеем дело не с цитированием неизданных лекций Коха, а воспроизведением уже сложившегося стереотипного суждения. Как давно сложившегося? В. Берелович высказывает предположение, что эта мысль почерпнута Кохом из сочинения балтийского немца, натуралиста Иоганна-Антоня Гюльденштедта (С. 194). Однако во введении к опубликованному в 1782 г. в популярном парижском обозрении отрывках из “Истории России” Левека без особого труда находим уже знакомую фразу,¹⁴ причем извлечена она не из сочинений Гюльденштедта или самого Левека. Откуда же? Ее присутствие обнаруживается во франкоязычном сочинении прусского автора Якоба Фридриха Билфельда, изданном в голландском Лейдене в 1772 г.¹⁵ Скончавшийся в 1770 г. Билфельд писал свой трактат в конце 1760-х гг. и не скрывал его главного источника – также франкоязычного “Нового геогра-

фического трактата” Бюшинга, изданного в 1768 г. в голландской Гааге. Однако у Бюшинга находим лишь отдаленно схожую мысль.¹⁶

Получается, что яркое стереотипное суждение о пространственных масштабах России было вначале сформулировано несколькими немецкими “статистическими” авторами, но на французском языке. Затем его популяризовал парижский журнал, из которого, вероятнее всего, этот тезис перешел в страбургскую версию “Истории России с ее политической частью” Коха, демонстрирующую близость французскому просветительскому дискурсу с его интеллектуальным шармом.

¹³ См., например: “De tous les empires modernes le plus vaste est sans contredit celui qu’on nomme l’empire de Russie” (N. S. Vsevolozsky. Dictionnaire géographique-historique de l’empire de Russie. T. 2. Moscou, 1813. P. 164).

¹⁴ “La Russie, est sans contredit, l’un des plus vastes empires qui existent...” (Journal de littérature, des sciences et des arts. T. 2. Paris, 1782. P. 10.)

¹⁵ “...l’empire de Russie est sans contredit le plus grand empire qu’il ait au monde...” (J. F. de Bielfeld. Institutions politiques. T. 3. Leide, 1772. P. 395).

¹⁶ “...il n’y a aucun état dans le monde, dont la grandeur approche de celle de l’empire de Russie...” (A. F. Büsching. Nouveau traité de géographie. T. 2. La Haye, 1768. P. 8).